

Егор Старцев

Эреборий

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е30

Е30 **Егор Старцев**
Эреборий / Егор Старцев – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «
Книга по Требованию», 2026. – 300 с.

ISBN 978-5-524-00278-5

Что, если твоё горе может изменить законы мироздания? Королевство Валтаир содрогается от странных исчезновений. Сначала пропадают бродяги, потом целые деревни. Те, кто идут на поиски, не возвращаются. Говорят, в глубине леса вырос Дворец из Костей, скреплённых чёрной смолой времени. А в нём правит некто, в чьих глазах — тяжесть тысячелетий, а в груди — осколок Вечного Серебра.

ISBN 978-5-524-00278-5

© Lennex Corp, 2026
© Егор Старцев, 2026

Пролог

Эта жизнь дала многое понять Эрасту, было столько событий, что даже он, не мог выстоять против своей воли. Смерть родителей, обвинение в воровстве. Но за что его могли обвинить? Он ведь и правда тогда у купца ничего не забирал. Медяки оставил на его прилавке и забрал товар. Куда они пропали потом, он не мог знать, все время думал, что его оклеветали.

Больше он об этом думал, когда находился за решёткой. Но стражники твердили одно "Плохо придётся часовщику без рук, как мы эти часики будем делать без пальчиков? А как мы свои любимые карты будем вырисовывать?". Слова этих никчёмных, остались в голове Эраста. Но больше волновал один вопрос, как после этого, к нему будет относиться его Лина.

Ах, любимая Лина... он души в ней не чаял. Такой любви, этот свет никогда не видел. Настолько сильна была его любовь, что неоднократно подвергался избиениям по молодости, пока ждал ее с гильдии.

Задержался в темнице он не на долго, уже через три дня его выпустили, и камеру сразу занял другой. Всё-таки смогли найти того, кто украл медяки. Обычный бездомный попался на краже в этом же рынке, соседний купец, что торговал часами, которые ему давал Эраст подтвердил, что этот болван ворует часто, но удавалось скрыться, но не в этот раз. Побег обернулся неудачей, за поворотом он увидел как стражники отбирали последние гроши у такого же как он. Ведь кто скажет, что у бездомных есть деньги? Откуда?

Его сразу поймали и закинули в темницу.

Чудесный день. Подумал Эраст, возвращаясь домой к супруге.

Она встретила его тёплыми объятиями, для неё это показалось вечностью. Ещё так долго, они не находились в разлуке, с момента как стали жить вместе.

— Я тебя так ждала. — Со слезами на глазах сказала Лина. — боялась, что они тебя не выпустят, что они сделают столько глупостей... Ты не представляешь, что тут было. Они перевернулись ведь дом... — Она шептала ему на ухо, как ей было страшно, так и не выпустив его из объятий.

— Я снова дома. Боялся, что ты уйдёшь от меня, почему осталась? Все теперь думают, что я вор, как мне продолжать жить? Кто захочет снова вести со мной дела? Даже не смогу нас прокормить.

— Не переживай, все уже знают, что ты не виноват.

— Я надеюсь, что больше, у нас не возникнет такой проблемы. Пожалуй, стоит расплачиваться на руки.

Лёгкая улыбка Эраста оживила Лину, и они пошли готовиться к вечернему ужину.

Глава 1: Механизм мира

Три года до Утёса. Год 1649-й, месяц апрель, день шестнадцатый.

Из мастерской доносился легкий стук молотка. Она пахла латунной стружкой и сандаловым маслом. Запах въелся в стены за тридцать лет — столько, сколько Эраст Хронос провёл здесь, склоняясь над механизмами тоньше паутины.

Часы на стене показывали половину седьмого утра. Тикали размеренно, без спешки. Эраст собрал эти часы в первый год после свадьбы — подарок самому себе. Корпус из ореха, циферблат латунный, стрелки вороненой стали. Ничего лишнего. Механизм показывал время — и этого было достаточно.

Сейчас часовщик сидел за рабочим столом, разглядывая россыпь шестерёнок. Карманные часы лорда Бремина лежали вскрытые, обнажив медное нутро. Заказ пришёл неделю назад — курьер в ливрее, запечатанный футляр, записка: «Говорят, вы лучший. Докажите».

Эраст доказывал.

Анкерное колесо требовало замены — зубья сточились неравномерно, ход сбивался. Пружина растянулась, потеряла упругость. Три подшипника износились до люфта. Работы на два дня, если торопиться. На четыре, если делать правильно.

Эраст никогда не торопился.

Пинцет подцепил крохотную шестерёнку — диаметр три миллиметра, восемь зубьев. Под лупой видна каждая царапина, каждая неровность. Деталь прослужила лет двадцать, судя по износу. Хорошая работа. Мастер знал своё дело.

Теперь мастер мертв, а часы требуют ремонта.

Так всегда.

Лестница наверху скрипнула. Лёгкие шаги по ступеням.

Эраст не обернулся — знал походку. Лина спускалась медленно, осторожно. Держалась за перила. Полгода назад сбегала по этой лестнице, смеясь, две ступени за раз. Теперь каждый шаг давался усилием.

Жена появилась в дверях мастерской — в светлом платье, волосы заплетены в косу. Худая. Слишком худая. Скулы обозначились резко, ключицы выступили под кожей. Глаза запали.

Но улыбалась.

— Доброе утро, маэстро.

— Доброе, — Эраст отложил пинцет. — Как спалось?

— Хорошо. Почти не кашляла.

Ложь. Эраст слышал сквозь потолочные доски — сухой, надрывный кашель начался около трёх ночи. Длился с перерывами до пяти. Потом стих.

Спорить не стал.

Лина подошла к столу, опёрлась ладонями о столешницу. Пальцы дрожали — едва заметно, но дрожали.

— Это те самые? Лорда Бремина?

— Те самые.

— Сложные?

— Средней сложности. Износ естественный, без поломок. Замена деталей, регулировка. Три дня работы.

— Значит, закончишь послезавтра.

— Если не отвлекаться, то возможно даже раньше. - С улыбкой сказал Эраст.

Лина рассмеялась — тихо, чуть хрипло. Кашлянула в ладонь. Отвернулась, но Эраст успел увидеть: на коже остались розоватые капли.

Кровь.

Опять.

— Завтрак готов, — сказала жена, будто ничего не произошло. — Каша, яйца, хлеб свежий. Поешь сейчас или после?

— Я пока не голодный, поем позднее

— Как обычно или опять обманешь меня и забудешь?

Эраст вздохнул. — Постараюсь не забыть.

— Так и знала. — Лина взяла со стола пустую кружку — вчерашний чай, давно остывший. — Принесу тебе поднос. Но вечером — ужин наверху, за столом, вместе. Договорились?

— Договорились.

Жена развернулась к выходу. Пошла к лестнице. Медленно. Держась за стену.

Эраст смотрел ей вслед.

Временная линия вокруг Лины мерцала тускло — тонкая, рваная по краям. Три месяца назад светилась ярким золотом, тянулась в будущее на десятилетия. Сейчас едва доходила до горизонта.

Чахотка пожирала жену изнутри. Медленно. Методично. Безостановочно.

Эраст отвёл взгляд, уставился на россыпь шестерёнок. Часы можно починить. Заменить сломанную деталь, отрегулировать механизм, вернуть к жизни. Всё чинится, если знать устройство. Если понимать принцип. Человека починить нельзя. Лекари пожимали плечами. Травницы качали головами. Священники предлагали молитвы. Никто не предлагал решений.

Эраст взял пинцет, вернулся к работе. Металл под лупой увеличивался, обретал рельеф. Царапины превращались в овраги, сколы — в пропасти. Эраст видел каждую неровность, каждый дефект. Видел и исправлял. Так проще. Работать. Чинить механизмы. Не думать.

Два часа пролетели незаметно.

Лина вернулась с подносом — каша овсяная с мёдом, два варёных яйца, ломоть чёрного хлеба, кружка молока. Поставила рядом с часами, осторожно, чтобы не задеть детали.

— Ешь, пока тёплое.

— Поем.

— Сейчас?

— После этой детали.

Лина цокнула языком, но не стала спорить. Села на табурет у окна — тот самый, где Эраст обычно отдыхал между заказами. Откинулась на спинку, закрыла глаза. Солнце било в окно, окрашивая лицо жены золотистым светом.

Красивая. До сих пор красивая — несмотря на худобу, запавшие глаза, бледность. Линии лица остались прежними. Изгиб губ. Форма скул. То, что не стирается болезнью. Эраст смотрел украдкой, делая вид, что сосредоточен на работе. Лина дремала. Дыхание ровное, спокойное. Грудь поднималась и опускалась под тканью платья — медленно, без надрыва.

Хорошо.

Эраст доел кашу — холодную, слипшуюся, но сладкую. Съел яйца, запил молоком. Хлеб оставил — не лез. Жена так и сидела у окна, неподвижная. Заснула по-настоящему. Эраст встал, подошёл. Накинул на плечи Лины шаль — лёгкую, шерстяную, сотканную ещё её матерью. Жена дёрнулась, приоткрыла глаза.

— Я не сплю, — пробормотала. — Просто решила немного отдохнуть

— Знаю.

— Правда не сплю.

— Верю.

— Ты в последнее время немногословен, не хочешь общаться как раньше?

Эраст не знал, что ответить, он только отвернулся и набрал в грудь воздуха, пытаясь сказать ей, что он переживает, но увидел, что она уже закрыла глаза. Не хотя ее беспокоить, вернулся к столу за работу.

Работа шла медленно — руки словно налились свинцом. Пинцет то и дело выскальзывал из пальцев. Шестерёнки не хотели вставать на место. Дважды ронял детали на пол, полчаса искал под столом.

Концентрация рассыпалась. Мысли возвращались к Лине. К временной линии, истончающейся с каждым днём. К кашлю по ночам. К крови на платке. К неизбежности.

Эраст стиснул зубы. Заставил себя сосредоточиться. Анкерное колесо. Восемь зубьев. Угол заточки тридцать градусов. Резец скользнул по заготовке, снимая тончайшую стружку. Металл поддавался неохотно — латунь старая, свойства изменились. Приходилось чувствовать каждый проход.

Час работы. Два. Три.

К полудню колесо было готово.

Эраст установил деталь в механизм, закрыл крышку. Завёл пружину.

Тик.

Так.

Тик.

Ровный ход. Без сбоя. Часы лорда ожили.

Эраст откинулся на спинку табурета, потёр затёкшую шею. Лина всё ещё спала у окна, укутанная в шаль. Дышала тихо.

На столе, рядом с вычищенными часами, лежала стопка карт — незаконченный заказ от Королевской академии. Северо-восточная провинция, граница с Дикими землями. Срок сдачи через две недели. Эраст развернул верхний лист. Карандашный набросок, едва различимый. Основа была, детали требовали проработки.

Взял перо, обмакнул в чернила. Линия за линией. Изгиб реки Северной.

Гряды Волчьих холмов. Тракт Старого короля. Рука двигалась сама. Мозг отключился, инстинкт взял управление. Эраст не думал — руки сами творили. Карта рождалась.

Час. Два. Три.

Солнце сместилось, тени в мастерской удлиннились. Лина проснулась, потянулась, встала.

— Который час?

— Четвёртый.

— Уже? — жена подошла, заглянула через плечо. — Красиво. Это для академии?

— Для академии.

— Закончишь сегодня?

— Завтра.

Лина кивнула. Поцеловала Эраста в висок — легко, мимолётно.

— Я наверх. Прилягу до ужина.

— Хорошо.

Жена ушла. Лестница скрипнула под шагами — медленно, осторожно.

Эраст слушал, пока звуки не стихли. Потом вернулся к карте. Работа поглотила снова. К вечеру основа была готова. Оставалось нанести названия, легенду, розу ветров — работа на завтра. Он убрал инструменты, вытер перо, закрыл чернильницу. Поднялся наверх. Лина накрывала на стол — медленно, с остановками. Ставила тарелки, раскладывала приборы. Лицо бледное, на лбу выступил пот.

— Помочь?

— Справлюсь сама, — улыбнулась жена. — Садись скорей.

Ужин был простым — тушёная капуста с салом, чёрный хлеб, луковый суп. Лина ела мало, по чайной ложке, с долгими паузами. Эраст делал вид, что не замечает.

Говорили о мелочах. О погоде — весна в этом году ранняя. О рынке — цены на муку выросли. О соседях — у кузнеца родилась дочь.

Обыденные разговоры. Из таких складывалась их жизнь.

После ужина Лина легла сразу — силы кончились. Эраст помог ей раздеться, укрыл одеялом. Жена уснула почти мгновенно.

Часовщик спустился обратно в мастерскую. Сел в кресло у окна. Город за стеклом погружался в сумерки — окна домов зажигались один за другим, жёлтыми точками. Где-то далеко звонили колокола — восемь ударов.

Эраст закрыл глаза. Тридцать два года назад встретил Лину на ярмарке. У лотка с лентами. Столкнулись случайно — Эраст споткнулся, схватился за первое, что попало под руку.

Попало плечо девушки в светлом платье. Она обернулась — сердито, готовая отчитать. Увидела Эраста — и замолчала.

Временная линия вокруг неё светилась так ярко, что пришлось зажмуриться. Золото, тёплое и живое. Линия тянулась далеко в будущее — на десятилетия. И где-то там переплеталась с другой.

С его линией.

Эраст знал за секунду: эта женщина станет его смыслом жизни. Сказал это вслух через три месяца, делая предложение. Лина рассмеялась, назвала безумцем. Потом расплакалась и согласилась.

Свадьба была скромной. Гостей человек тридцать, ужин простой, танцы до рассвета. Эраст не помнил деталей — еду, тосты, музыку. Помнил только Лину в белом платье, с венком из полевых цветов. Помнил её смех. Помнил, как заснула у него на плече, когда гости разошлись. Тридцать два года прошло.

Детей не было — не получилось. Годами пробовали. Лина ходила к знахаркам, пила отвары, молилась. Эраст водил к врачам. Ничего не помогло. Сначала горевали. Потом свыклись. Грустно было, так как они всегда мечтали заполнить дом ещё большей любовью, чем есть между ними. Но они научились жить вдвоём, этого оказалось — достаточно.

Эраст открыл глаза. За окном стемнело окончательно. Город спал. Лишь изредка по мостовой проезжала повозка, стучали копыта.

Наверху Лина кашлянула — резко, надрывно. Потом затихла. Эраст встал, поднялся проверить. Жена спала, укутанная в одеяло. Дышала ровно. На губах — засохшие капли крови. Часовщик вытер платком, осторожно, чтобы не разбудить. Поправил подушку. Присел на край кровати.

Временная линия Лины мерцала в темноте — тусклая, истончённая. Рвалась по краям. Эраст смотрел, не отрываясь.

Если временные линии можно видеть — можно ли их изменить?

Мысль пришла не впервые. Крутилась в голове месяцами, с тех пор как Лина заболела. Эраст гнал её, не давал укорениться.

Сейчас решил задуматься окончательно.

Если линии — это энергия... если энергию можно перенаправить...

Часовщик поднялся, вышел из спальни. Спустился в мастерскую. Достал из сундука шкатулку. Внутри — осколки странного металла. Тускло-белого, холодного всегда. Метеоритного. Эраст нашёл этот металл семнадцать лет назад, после падения небесного камня. Экспериментировал — плавил, ковал, травил кислотой. Металл не поддавался. Оставался холодным в горне, твёрдым под молотом.

А вокруг него временные линии вели себя странно. Не обрывались, не истончались — огибали. Будто металл существовал вне времени.

Эраст взял самый крупный кусок — размером с детский кулак. Положил на ладонь.

Холод обжёг кожу.

Если этот металл останавливает время... Если через него можно направить энергию...

Мысль была безумной, но Лина умирала. Безумие, помноженное на отчаяние, рождает решения. Эраст сжал осколок в кулаке.

Завтра начнёт эксперименты.

Глава 2: Тиканье песка

Проснулся Эрест в своей мастерской, даже не смог понять, как снова тут уснул. Первые лучи солнца разбудили его. Фолианты лежали стопками — по алхимии, астрономии, натурфилософии. Часть одолжена в библиотеке Королевской академии, часть куплена у букинистов на Старом рынке. Некоторые такие древние, что пергамент крошился под пальцами.

Эраст читал всю ночь.

Трактат Парацельса о первоматерии. «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста — в переводе на латынь, с комментариями. Записки арабского алхимика Джабира ибн Хайяна о трансмутации металлов. «De Tempore et Aeternitate» — анонимный манускрипт XIII века, купленный за бешеные деньги у антиквара.

Искал упоминания времени. Не философские рассуждения о бренности бытия — конкретику. Способы воздействия, методы управления, хоть какие-то зацепки.

Находил крохи.

Парацельс писал о «temporis essentia» — временной эссенции, якобы содержащейся в крови молодых животных. Рекомендовал пить свежую кровь ягнят для продления жизни. Бред, но логика просматривалась: молодость можно перенести. Джабир упоминал «металл вне круга» — субстанцию, не подверженную тлению. Описание смутное, обрывочное. Но одна деталь зацепила: «холоден во всякое время, не ведает смены сезонов».

Похоже на метеоритный металл.

Анонимный манускрипт оказался кладезем безумия. Автор — судя по тексту, монах-отшельник — утверждал, что видел «нити судьбы», опутывающие всё живое. Описывал их как «светящиеся вервья, протянутые от колыбели до могилы». Пытался разорвать собственную нить молитвой и постом. Не вышло — умер от истощения. Рукопись обрывалась на полуслове.

Эраст захлопнул книгу, потёр глаза. Голова гудела от переизбытка информации. Половина прочитанного — мистический вздор. Четверть — шарлатанство. Остаток — туманные намёки, которые можно трактовать, как угодно. Но крупницы были.

Первое: время — не абстракция, а субстанция. Обладает свойствами, может накапливаться, переноситься.

Второе: существуют материалы, взаимодействующие со временем иначе, чем обычная материя.